

Владас СТАНКА <В. Б. СТАНКЕВИЧ>

О Керенском

<...> О начавшейся революции я узнал от Керенского: рано утром 27 февраля кто-то по его поручению позвонил мне, сообщил о роспуске Думы и восстании Волынского полка и других запасных частей, расположенных около моего батальона, и просил немедленно прийти в Гос[ударственную] думу. Пробравшись, не без приключений — офицеру в те часы было не безопасно появляться на улице — в Гос[ударственную] думу, я застал в ней А. Ф. Керенского и еще некоторых левых депутатов. Вскоре я был избран в состав Совета солдатских и рабочих депутатов, а потом от трудовой группы прошел в Исполнительный комитет Совета и стал проводить в Таврическом дворце целые дни с раннего утра до поздней ночи.

В один из первых дней Керенский остановил меня в коридоре, и у нас произошел следующий диалог (цитирую по моим воспоминаниям, изданным в 1920 году в Берлине¹):

«— Мне предлагают портфель министра юстиции... Братъ или не братъ?

Вопрос стоял так, что демократические партии вообще отказались от участия в правительстве, и Керенскому приходилось идти против настроения друзей.

— Все равно, ответил я, возьмете или нет, все пропало.

— Как все пропало? Ведь все идет превосходно.

— Армия разлагается... Но, быть может, вы еще спасете. Конечно, братъ».

Керенский, конечно, не нуждался в моем совете: его активной натуре было чуждо отказываться от власти, когда ее можно и должно принять. Так как Временное правительство своим пребыванием избрало Мариинский дворец², то мои встречи с Керенским стали реже.

Но в мае, при первой перестройке правительства, Керенский принял пост военного и морского министра, и вскоре после этого предложил мне возглавить кабинет военного министра³, — учреждение, которого еще не было, и которое надо было создать. Потом я был назначен комиссаром Временного правительства на Северном фронте (Псков, Рига, Двинск), а после дела Корнилова — комиссаром правительства при Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве. За все это время мой контакт с Керенским был непрерывен. Я видел его на съездах разных фронтов, сопровождал его на Юго-Западном фронте во время злосчастной попытки июньского наступления, присутствовал на совещаниях с главнокомандующими фронтов, пережил с ним тревогу так называемого «восстания» Корнилова, имел длинные беседы с ним в Ставке, когда Керенский формально был верховным главнокомандующим. Случайно попав в Петроград в октябре, я по просьбе Керенского отправился в Совет Республики и принес ему оттуда известие, что в этот решающий час борьбы Совет занял «нейтральную» позицию. Я видел отъезд Керенского из Петрограда, и мне удалось дважды пробраться к нему в Царское Село и Гатчину во время попытки Краснова подойти к Петрограду, и я, кажется последний, за несколько часов до падения Гатчины, уехал в Петроград с поручением от Керенского.

Потом мы встречались в Берлине, в Париже, в Нью-Йорке и в Вашингтоне: последний раз в телевизионной студии, во время выступления Керенского в программе «Встреча с печатью». Кроме того, мы все время и спорадически загорающейся и потухающей переписке, иногда многостраничной и подчас патетической.

Наши взгляды далеко не всегда совпадали и совпадают. Но одно для меня несомненно: Керенский это крупное явление в русской истории.

Уже внешне, во всех положениях своей жизни, и как еще мало известный, начинающий деятель, и как член Гос[ударственной] думы, и в дни высшей славы и признания, когда каждое его появление собирало толпы и каждое его слово вызывало энтузиазм, и в тот период, когда настроение масс стало меняться, и Керенский, несмотря на формальную полноту власти оказался всеми покинутым, и в часы смертельной опасности, когда он со всех сторон был окружен изменой и предательством и каждую минуту мог быть расстрелян или кучкой фанатиков-офицеров или разъяренной толпой матросов и солдат, и, наконец, в разные периоды изгнания и эмиграции — во всех положениях он всегда был наружно спокоен.

Исторически имя Керенского связано с первым периодом русской революции, с так называемым «Февральским периодом», длившимся с конца февраля по октябрь 1917 года, периодом, который чаще всего называют «эпохой Керенского». Нет сомнения, что имя Керенского единственное, которое может символизировать этот период: ведь никто не назовет его ни «периодом Львова», ни Милюкова, и, еще менее, периодом Чхеидзе, Чернова или Церетели. Конечно, к этому периоду, полному тревог и опасностей, можно относиться по-разному. Но нельзя отрицать, что во всей многовековой истории России, этот краткий период восьми месяцев был единственным периодом великой свободы и великих надежд для всех граждан и всех народов России. И имя Керенского, неразрывно связанное с этим временем, навсегда останется символом и синонимом этой свободы и этих надежд.

Его роль в этом периоде как-то сразу всем стала ясна и бесспорна. В этом я имел случай убедиться, когда, после образования Временного правительства, я «представлял» его в своем батальоне, давая характеристику всем виднейшим членам правительства, Львову⁴, Милюкову, Гучкову, Шингареву⁵... Все эти имена воспринимались равнодушно и холодно; с подлинным энтузиазмом было встречено лишь имя Керенского, что поразило даже меня: казалось, что о Керенском могли знать солдаты запасного саперного батальона в первые дни революции?

Помню также мои разговоры с Н. Сухановым. Уже в первые дни после переворота, говоря о перспективах дальнейшего развития, он высказывал непоколебимую уверенность, что следующим главой правительства будет не кто иной, как Керенский.

Популярность А. Ф. в те дни была поражающей, а для многих даже устрашающей. Без преувеличения можно утверждать, что за все существование России в ней не было государственного деятеля популярнее, чем Керенский в начале революции. Чем была вызвана эта популярность? Во всяком случае, не событиями февральского переворота, который был совершен самочинно солдатами вне участия каких-либо партий или общественных деятелей. Популярность Керенского была основана на широте и всеобъемлемости его духовного склада. По своим взглядам он был гуманист, демократ, радикал и даже социалист, — все со своими особыми оттенками. Но, главное, он в своих взглядах был предельно широк. Это его выделяло из всех русских общественных деятелей, которые всегда были преданы своей собственной узкой догме: каждый кадет считал своим долгом прежде всего быть кадетом, социал-демократ

меньшевик считал великим преступлением, если кто-либо смешивал его с социал-демократом интернационалистом, левый эсер ни за что не хотел понять правого эсера, не говоря о трудовиках. Эта узость была органически чужда Керенскому, и он, не отказываясь от своих взглядов, понимал возможность и законность иных взглядов. Он был в своем кругу не только среди народников всех направлений, и толков, но и среди социал-демократов, кадетов, прогрессистов и даже октябристов. Он был рожден для объединения, для всенародного синтеза в преодолении искусственных идеологических преград — подлинный вождь не фракции или партии, а всего народа.

Надо сказать, что в то время глубокой разрухи популярность Керенского была великой государственной и общественной ценностью, единственным творческим, конструктивным началом среди хаоса, созданного исчезновением прежней власти. Ни партии, особенно те, что вышли из подполья, ни наспех создавшиеся и не имеющие корней в населении учреждения не могли привлечь к себе искренних, действенных симпатий и ни в отдельности, ни вместе взятые не могли стать зародышем живого государственного организма. Личность Керенского была в то время великой необходимостью, чем-то вроде личности де Голля⁶ во Франции наших дней. Это было главным капиталом, единственной основой нового строя, на которой можно было что-либо создать. И когда этот устой стали подрывать со всех сторон и этот капитал растрачивать, шансы свободной, демократической России стали быстро падать. Народная масса разделилась по настроению: одни стали требовать от Керенского углубления революции, другие настаивали на отмене или подавлении революции. Керенский, охватывавший весь диапазон настроений, ясно понимал губительность углубления революции и невозможность ее отмены: он видел, что обе крайности ведут к восстановлению деспотии, и искал пути к свободе и единству народа. Но он оказался в одиночестве между двумя фронтами назревавшей гражданской войны. Керенский пал, и с ним пала свобода и погасли надежды на новую, демократическую, свободную Россию. Развитие неудержимо пошло в направлении восстановления деспотии в новом, дотоле еще не виданном, апокалипсическом виде сталинизма.

Правление Керенского закончилось неудачей. Было ли это «виной» самого Керенского? Или, говоря иначе, была ли возможность эту неудачу предотвратить? Возможно, что да. Припоминая менявшуюся обстановку первого периода революции, можно думать, что таких моментов было не менее двух. Один, после

неудачного восстания большевиков в июле, когда Ленин скрывался в Финляндии, а Троцкий был арестован: если бы Керенский хотел, он мог бы без труда ликвидировать и того, и другого вместе с их ближайшими помощниками, даже без суда — фанатиков-исполнителей было легко найти. И позволительно думать, что без Ленина и Троцкого октябрьской революции не было бы. Второй момент был после рокового Корниловского «восстания». Если бы тогда Керенский захотел во имя интересов народа и государства ликвидировать Корнилова и его вдохновителей, это навело бы страх не только на правых, но и на левых, что опять-таки могло бы предотвратить Октябрь.

Конечно, такая политика вела бы прямым путем к диктатуре самого Керенского: Керенский этого не сделал и не хотел делать. Возможно, что это его «вина». Но, во всяком случае, это вина не его одного. На сеансе телевидения «Встреча с печатью» один из журналистов спросил Керенского, не думает ли он, что в 1917 году интересы народа требовали, чтобы Ленин и его помощники были ликвидированы. Ответ Керенского мне показался слишком сложным. А была возможность дать краткий и исчерпывающий ответ: да, конечно, он фактически мог ликвидировать и Ленина, и Троцкого, и других: но в свое оправдание он может сказать, что вся опасность коммунизма русскому народу и всему миру в 1917 году никому не была ясна: но вот теперь, когда эта опасность всем известна, все же в свободных демократических странах, даже зная, чем коммунисты грозят, их все же никто не «ликвидирует»: почему же он мог это сделать в 1917 году?

Обвинения в личной слабости и нерешительности, которые обычно выдвигаются против Керенского, глубоко несправедливы. Как только проявились первые серьезные признаки массовой анархии, он первый не побоялся в речи на собрании рабочих и солдатских депутатов в Думе поставить вопрос ребром: «Кто вы, свободные граждане или взбунтовавшиеся рабы?»⁷, и он не ограничился словами. В июле, во время восстания большевиков, он вызвал в Петроград войска с фронта, одно приближение которых ликвидировало восстание. Он не поколебался восстановить смертную казнь на фронте, а инициатору этого предложения, Савинкову, поручил управление Военным министерством. Корнилова, который при царе был незаметным дивизионным генералом, Керенский, преодолевая сопротивление левых партий, сделал верховным главнокомандующим. Учитывая признаки подготовки большевиками нового восстания, Керенский принял меры, чтобы на этот раз надежные войска были

заблаговременно придвинуты к Петрограду, и не его вина, что ставка самовольно решила превратить эту меру благоразумия в безумную попытку военной операции карательного отряда. Все это требовало мужества, решительности и активности. Но вместе с тем, действительно, в Керенском всегда была мягкость по отношению к людям, человечность, желание понять и быть понятым, вера в разум и честь, и непоколебимая преданность принципам свободы. Но эти свойства коренятся в основах всей западной культуры. «Керенщина» это отнюдь не свойство Керенского как личности, а это демократизм и гуманизм свободного мира, столкнувшегося с суровыми условиями русской жизни, отравленной столетиями абсолютизма, выбитой из руслу потопом революции, вспененным безудержной демагогией коммунистов. Поэтому «уроки» никого нигде ничему не научили, и мы видим, что западный мир, несмотря на эти уроки, медленно, но верно проходит тот же крестный путь. Трагедия Керенского — это трагедия западной цивилизации, которая началась на Востоке, а продолжается в ускоряющемся темпе и универсальном масштабе на Западе.

И все же не следует терять надежды, что в конечном счете, так или иначе, раньше или позже, дикость, насилие и жестокость деспотизма будут побеждены свободой и человечностью. Для всего мира это будет торжеством западной культуры, а в России это будет днем, когда русские люди увидят Керенского в его подлинном виде и захотят, и сумеют понять и достойно оценить его.

